

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № в отношении
адвоката Р.

10.04.2025

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов Саськова К.Ю., Пановой В.С., Пашинского М.Л., Тимофеевой Т.В., членов Совета Зеленского А.В., Пальмского А.А., Подпригоры Д.А., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В., Чангли А.И. (участвовали очно), члена Совета Манкевича А.Е. (участвовал дистанционно посредством использования сервиса видеоконференций «SaluteJazz») в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 10.04.2025 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 29.07.2024 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката Р. послужила жалоба индивидуального предпринимателя – главы крестьянского фермерского хозяйства В.А.И., поступившая в АП СПб 29.07.2024; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 29.08.2024.

В своей жалобе и пояснениях, представленных после ознакомления с объяснениями адвоката, **В.А.И. излагает следующие обстоятельства.**

21.10.2022 В.А.И. обратился к адвокату Р. с целью возбуждения дела по банкротству ДСК «Победа», которое имело задолженность перед В.А.И. С адвокатом было достигнуто устное соглашение об условиях ведения дела по банкротству: стоимость услуг по ведению дела 300 000 руб., и при получении В.А.И. с должника сумм задолженности – гонорар успеха в размере 50% от полученных сумм, за вычетом вознаграждения за ведение дела в сумме 300 000 руб.

После отказа В.А.И. от оплаты стоимости услуг адвоката наличными деньгами, адвокат Р. предложил ему заключить договор с неким ИП Г.М.К., которого В.А.И. лично никогда не видел. Адвокат Р. представил В.А.И. договор с ИП Г.М.К., и в дальнейшем он же передавал на подписание промежуточный акт выполнения работ. Прямого соглашения между В.А.И. и адвокатом Р. не заключалось, В.А.И. были выданы доверенности адвокату и его помощнику юристу Ж.Н.А.

В.А.И. в жалобе признаёт факт участия адвоката Р. и Ж.Н.А. в судебных заседаниях по делу № , указывая конкретное количество заседаний и вопросы, которые на них были рассмотрены. Однако заявитель считает, что после

заявления в деле по банкротству, поданного бывшим руководителем должника Ч.В.А., о намерении погасить все обязательства ДСК «Победа» перед кредиторами, адвокат Р. не совершил ряда необходимых действий, а именно: отказался подать заявление о взыскании судебных расходов и не обжаловал определение суда от 14.11.2023 об отказе суда во включении в реестр кредиторов суммы увеличения требований В.А.И., приобретённых им по цессии у АО «ПСК». По мнению В.А.И., это было связано с тем, что в связи с погашением требований кредиторов денежными средствами, выплаченными Ч.В.А., а не путём продажи имущества должника с торгов, адвокат Р. не смог получить крупное вознаграждение, поэтому решил получить от доверителя значительный гонорар успеха, который он пытался увеличить, склонив В.А.И. выкупить долг у АО «ПСК», в чём заявитель не усматривает необходимости. В.А.И. считает, что со стороны адвоката имело место «заранее спланированное мошенничество на доверии».

Также В.А.И. утверждает, что 24.01.2024 адвокат Р. в офисе своего адвокатского кабинета получил от представителя В.А.И. по доверенности Б.С.В. 200 000 руб. наличными деньгами в счёт оплаты гонорара успеха, и обещал оформить получение денег надлежащим образом позже; Б.С.В. не настаивала на немедленном оформлении, так как является инвалидом 2 группы и в это время плохо себя чувствовала. Впоследствии никакого документального оформления полученных денег адвокат не осуществил, а, как указывает заявитель, занимался «вымогательством», требуя оплаты гонорара успеха.

После этого В.А.И. по почте получил от ИП Г.М.К. акт оказания услуг, в котором сумма гонорара успеха была, по мнению заявителя, завышена в несколько раз, и он подписать его отказался.

В связи с этим ИП Г.М.К. обратился в Арбитражный суд СПб и ЛО с иском о взыскании с ИП В.А.И. неуплаченного гонорара успеха, и судом этот иск был удовлетворён (дело №). В данном деле интересы ИП Г.М.К. представлял по доверенности адвокат Р.

В.А.И. также считает предложенное адвокатом Р. от лица ИП Г.М.К. мировое соглашение в рамках данного дела проявлением «наглости и чувства безнаказанности» и требованием с него денег «за обналичку».

Заявитель также утверждает, что такой способ оформления услуг через ИП Г.М.К. адвокат Р. практикует не первый год, ссылаясь на дела № (банкротство ООО «Юлмарт-РСК», где его интересы представлял адвокат Р.) и № (дело о взыскании денежных средств ИП Г.М.К. с ООО «Юлмарт-РСК»).

Также В.А.И. в жалобе пишет, что он обращался к адвокату Р. по вопросу возврата денежных средств, перечисленных на оплату госпошлин по делу о банкротстве, реквизиты для оплаты которых ему направлял адвокат Р., но последний направил В.А.И. с данным вопросом к конкурсному управляющему Г.Н.Н., а тот пока ничего не вернул.

Адвокатом Р. были поданы письменные объяснения по жалобе В.А.И., в которых он выражает несогласие с доводами жалобы, а также представлены подтверждающие документы.

Адвокат пояснил, что его к осуществлению данного проекта привлёк ИП Г.М.К., к которому обратился ИП КХФ В.А.И., заинтересованный во взыскании задолженности со своего должника ДСК «Победа» путём банкротства последнего. ИП Г.М.К. договорился с В.А.И. о ведении дела по банкротству «под ключ», предложив адвокату Р. взять на себя полное юридическое сопровождение данного дела за

вознаграждение 200 000 руб.; сумма в 100 000 руб. причиталась арбитражному управляющему, а сам ИП Г.М.К. должен был получить гонорар успеха в размере 50% от полученных сумм, за вычетом вознаграждения за ведение дела в сумме 300 000 руб. Так как адвокат не был полностью загружен работой, он согласился. При этом он поясняет, что таким же образом сотрудничает и с другими коллегами, не практикующими в сфере банкротства – коллеги предлагают ему участие в делах по банкротству, адвокат Р. называет им стоимость своих услуг, а они уже договариваются с клиентами на своих условиях.

Таким образом, В.А.И. заключил с ИП Г.М.К. договор на оказание юридических услуг о ведении дела по банкротству на указанных выше условиях, а адвокат Р. заключил с ИП Г.М.К. адвокатское соглашение, в котором Г.М.К. указан как клиент, который поручает адвокату ведение дела. В.А.И. никаких возражений против этого не заявлял, и такой формат взаимоотношений его устраивал до декабря 2023 г., то есть до момента получения денежных средств в счёт погашения задолженности ДСК «Победа» и прекращения дела по банкротству № .

Далее в своих объяснениях адвокат перечисляет все действия, которые он осуществил в рамках дела по банкротству ДСК «Победа», и результаты, которые этими действиями были достигнуты. Адвокат считает, что его действия в конечном итоге привели к погашению задолженности перед В.А.И. бывшим руководителем должника Ч.В.А. в сумме 4 364 444,40 руб. (то есть в полном объёме), тем самым была достигнута цель, ради достижения которой возбуждалось данное дело.

По мнению адвоката, претензии В.А.И., появившиеся у него уже после получения им денежных средств по оплате задолженности, возникли по причине нежелания клиента оплачивать гонорар успеха ИП Г.М.К. согласно заключённому между ними договору.

Адвокат пытался урегулировать этот вопрос, обращаясь к Б.С.В. – представителю В.А.И., с которой у него сложились доверительные отношения, но та ссылаясь на различные обстоятельства, которые якобы препятствуют осуществлению оплаты, а потом вообще перестала выходить на связь. Однако после получения В.А.И. от ИП Г.М.К. акта оказания услуг, направленного ему для подписания, Б.С.В. неожиданно приехала в офис к адвокату с претензиями по качеству оказанных услуг и угрозами подачи жалобы в АП СПб и заявления о мошенничестве.

ИП Г.М.К. принял решение обратиться в суд для взыскания с ИП КХФ В.А.И. неуплаченного гонорара успеха по заключённому между ними договору, и решением суда от 25.07.2024 по делу № иск был удовлетворён судом в полном объёме.

Адвокат Р. подтверждает, что представлял в данном деле по доверенности интересы ИП Г.М.К. против ответчика В.А.И., это же видно и из судебных актов по делу. Однако адвокат Р. не считает, что действовал в условиях конфликта интересов, поскольку его обязательства по договору с ИП Г.М.К., во исполнение которого он представлял интересы В.А.И. в деле по банкротству ДСК «Победа» закончились в декабре 2023 г., так как дело по банкротству было прекращено (определение суда от 15.12.2023), В.А.И. получил причитающиеся ему денежные средства. Соглашение с ИП Г.М.К. на представление его интересов в деле по взысканию денежных средств с В.А.И. адвокат заключил 01.03.2024, и в этот момент В.А.И. уже не являлся доверителем адвоката Р.

В отношении мирового соглашения по делу № , направленного им в адрес В.А.И., адвокат указывает на то, что направил это мировое соглашение в качестве представителя ИП Г.М.К. в целях мирного урегулирования спора по поручению своего доверителя, и условия этого мирового соглашения были составлены самим ИП Г.М.К.

Довод жалобы о попытке получения денежных средств с В.А.И. из-за невозможности его получения за счёт имущества ДСК «Победа» адвокат считает абсурдным, поскольку он получил своё вознаграждение за ведение дела и более ни в каких суммах вознаграждения лично не был заинтересован.

Своё участие в переговорах с Б.С.В. по вопросу выплаты гонорара успеха объясняет тем, что она от имени клиента заявляла претензии к оказанным им услугам.

С данными претензиями адвокат также не согласен, считает, что оказал доверителю услуги в должном объёме и должного качества. Адвокат Р. поясняет, что заявление о взыскании судебных расходов не было подано из-за невозможности точно распределить общую сумму фиксированного вознаграждения за ведение дела на конкретные обособленные споры, имевшие место в рамках дела по банкротству. Б.С.В. это изначально было разъяснено, и она как представитель В.А.И. возражений против этого не выразила, поскольку В.А.И. устраивала общая сумма оплаты «под ключ» за ведение всего дела в целом, и он опасался, что если тарифицировать ведение каждого обособленного спора по отдельности, то сумма вознаграждения, которую он должен будет оплатить, увеличится.

По поводу неподачи апелляционной жалобы на определение суда от 14.11.2023 в части отказа суда во включении в реестр кредиторов суммы увеличения требований В.А.И., приобретённых им по цессии у АО «ПСК», адвокат Р. поясняет, что подача такой жалобы являлась нецелесообразной, так как производство по делу было прекращено в день судебного заседания 12.12.2023, что повлекло бы и прекращение производства по апелляционной жалобе, так как её рассмотрение, несомненно, состоялось бы гораздо позже. Адвокат также указывает на то, что предложил В.А.И. альтернативный способ защиты его интересов в виде подачи самостоятельного иска о взыскании денежных средств с ДСК «Победа» уже после прекращения дела по банкротству, чем тот и воспользовался. Решением от 04.07.2024 по делу № А56-127220/2023 Арбитражный суд СПб и ЛО удовлетворил исковые требования ИП КХФ В.А.И. к ДСК «Победа» о взыскании пени и мораторных процентов.

Кроме того, адвокат отрицает получение им 200 000 руб. наличными денежными средствами от Б.С.В., и утверждает, что это заявление не соответствует действительности, и связано с её угрозами подать на адвоката жалобу в адвокатскую палату и заявление о преступлении.

В отношении денежных средств для оплаты госпошлин арбитражным управляющим, адвокат Р. поясняет, что он только доводил до сведения Б.С.В. суммы и реквизиты для их уплаты, но никаких денежных средств на это с неё не брал, поэтому и направил её для решения этих вопросов непосредственно к управляющему.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 21.11.2024 адвокатом Р. допущено нарушение:

(1) взаимосвязанных требований п.п. 1, 2 и 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре):

«1. Адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

2. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

4. Существенными условиями соглашения являются: ...».

Нарушение выразилось в следующем.

21.10.2022 ИП В.А.И. обратился к адвокату Р. с целью возбуждения дела по банкротству ДСК «Победа», которое имело задолженность перед В.А.И. С адвокатом было достигнуто устное соглашение об условиях ведения дела по банкротству: стоимость услуг по ведению дела – 300 000 руб., и при получении В.А.И. с должника сумм задолженности – гонорар успеха в размере 50% от полученных сумм, за вычетом вознаграждения за ведение дела в сумме 300 000 руб.

После отказа В.А.И. от оплаты стоимости услуг адвоката наличными деньгами адвокат Р. предложил ему заключить договор с ИП Г.М.К., которого В.А.И. лично никогда не видел. Адвокат Р. представил В.А.И. договор с ИП Г.М.К., и в дальнейшем он же передавал на подписание промежуточный акт выполнения работ. Прямого соглашения между

В.А.И. и адвокатом Р. не заключалось, В.А.И. были выданы доверенности адвокату и его помощнику юристу Ж.Н.А.

Таким образом, адвокат Р. оказывал В.А.И. юридическую помощь, в частности, участвовал в качестве представителя В.А.И. в судебных заседаниях по делу № в отсутствие предусмотренного законом соглашения между адвокатом и доверителем В.А.И.

(2) взаимосвязанных требований:

- подп. 2 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре: *«Адвокат не вправе принимать от лица, обратившегося к нему за оказанием юридической помощи, поручение в случаях, если он оказывает юридическую помощь доверителю, интересы которого противоречат интересам данного лица»;*

- подп. 10 п. 1 ст. 9 КПЭА: *«Адвокат не вправе оказывать юридическую помощь в условиях конфликта интересов доверителей, предусмотренного статьей 11 настоящего Кодекса.»;*

- п. 1 ст. 11 КПЭА: *«Адвокат не вправе быть советником, защитником или представителем нескольких сторон в одном деле, чьи интересы противоречат друг другу, а может лишь способствовать примирению сторон.».*

Нарушение выразилось в следующем.

В 2024 г., после окончания оказания адвокатом Р. юридической помощи ИП В.А.И., ИП Г.М.К. обратился в Арбитражный суд СПб и ЛО с иском о взыскании с ИП В.А.И. неуплаченного гонорара успеха, и судом этот иск был удовлетворён (дело №). В данном деле интересы ИП Г.М.К. представлял по доверенности адвокат Р., который ранее в деле № представлял интересы ИП В.А.И.

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 10.04.2025 были извещены надлежащим образом, на заседание явились – адвокат Р. лично, заявитель В.А.И. направил своего представителя Б.С.В. Стороны поддержали свои прежние доводы, ответили на вопросы членов Совета.

Адвокат Р. заявил, что не согласен с заключением Квалифкомиссии по следующим причинам: договорная модель, имевшая место в рассматриваемом случае, вполне допустима, строится по принципу субподрядных отношений; приведённая в заключении трактовка законоположений, связанных с конфликтом интересов, является спорной, он толкует эти нормы по-другому; выводы Квалифкомиссии о раскрытии им адвокатской тайны являются ошибочными и не соответствуют действительности.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, выслушав стороны, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб приходит к следующему.**

Квалифкомиссия установила, что материалами дисциплинарного производства, в частности, условиями заключённых договоров между В.А.И. и ИП Г.М.К., ИП Г.М.К. и адвокатом Р., а также объяснениями самого адвоката Р. подтверждаются доводы жалобы о том, что прямого соглашения с доверителем В.А.И. адвокат Р. не заключал. При этом Квалифкомиссия пришла к выводу, что подобные действия адвоката являются прямым нарушением п.п. 1, 2 и 4 ст. 25 Закона об адвокатуре.

В данной части **Совет АП СПб отмечает**, что в соответствии с п.п. 1 и 2 ст. 25 Закона об адвокатуре адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Таким образом, Закон об адвокатуре предусматривает возможность договорной модели, при которой прямого соглашения с доверителем адвокату не требуется (договор в пользу третьего лица).

Между тем, как было указано в жалобе В.А.И., подтверждено адвокатом Р. и установлено Квалифкомиссией, адвокат Р. оказывал юридическую помощь В.А.И. на основании адвокатского соглашения, в котором ИП Г.М.К. указан как клиент, который поручает адвокату ведение дела ИП В.А.И.; заявитель такую договорную модель принял и с ней согласился.

Почему реализованная сторонами договорная модель не соответствует действующему правовому регулированию, в заключении Квалифкомиссии не указано.

При таком положении Совет АП СПб не может признать заключение Квалифкомиссии в данной части обоснованным, все имеющиеся сомнения толкует в пользу адвоката, в отношении которого ведётся дисциплинарное производство, и приходит к выводу о необходимости **прекращения в указанной части дисциплинарного производства** в виду отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также КПЭА.

Далее.

Совет АП СПб солидарен с Квалифкомиссией, что в её компетенцию не входит оценка качества ведения адвокатом Р. судебного дела № по банкротству ДСК «Победа» и обоснованности совершения или несвершения им каких-либо процессуальных действий в рамках данного дела.

При этом Квалифкомиссия верно отметила, что исходя из сложившейся практики по такого рода делам, получение доверителем денежных средств в размере полной суммы задолженности должника перед ним следует считать наилучшим результатом, который можно получить по итогам дела по банкротству.

Совет АП СПб разделяет мнение Квалифкомиссии, что довод жалобы о том, что адвокат Р. не смог получить крупное вознаграждение за счёт продажи имущества должника в связи с полным погашением заинтересованным лицом задолженности перед кредиторами, и поэтому он решил получить от доверителя значительный гонорар успеха, является необоснованным. Условие о гонораре успеха было установлено в договоре в процентном соотношении с суммой полученных В.А.И. денежных средств, и в любом случае эта сумма не могла бы превышать полную сумму долга, каким бы способом ни погашался этот долг. Соответственно, увеличения размера гонорара успеха в случае реализации имущества должника не произошло бы. Также Квалифкомиссия верно учла, что согласно условиям заключённых договоров, гонорар успеха должен был получить ИП Г.М.К.; адвокату же причиталось только вознаграждение за ведение дела, которое установлено как фиксированная сумма денежных средств, и оно тоже не подлежало бы увеличению при любом способе погашения задолженности перед В.А.И.

Ведение адвокатом переговоров в отношении оплаты гонорара успеха также не является противоправным действием. Квалифкомиссия верно отметила, что заслуживает внимания объяснение адвокатом Р. причин своего участия в переговорах с Б.С.В. по вопросу выплаты гонорара успеха ИП Г.М.К., поскольку ею от имени клиента были заявлены претензии к оказанным им услугам. В соответствии с п. 1 ст. 4 КПЭА адвокат обязан при всех обстоятельствах заботиться о сохранении своих профессиональных чести и достоинства, для чего он вправе возражать против претензий к осуществлению им своих профессиональных обязанностей.

При этом никаких доказательств обмана адвокатом Р. доверителя в целях извлечения какой-либо выгоды или наличия с его стороны каких-либо оскорблений или угроз в адрес доверителя или его представителя с целью получения денег, заявителем не представлено, все подобного рода обвинения заявлены голословно. В связи с этим Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией не усматривает в действиях адвоката Р. составов таких преступлений, как мошенничество или вымогательство.

Далее.

Совет АП СПб разделяет мнение Квалифкомиссии, что позиция адвоката Р. об отсутствии конфликта интересов доверителей, основанная на том, что 01.03.2024 на момент заключения соглашения с ИП Г.М.К. на представление его интересов в деле по взысканию денежных средств с В.А.И., последний уже не являлся доверителем адвоката Р., свидетельствует о недостаточном понимании адвокатом нравственных начал адвокатской деятельности.

Положения законодательства об адвокатской деятельности следует понимать в том смысле, что «особо тесный, доверительный характер отношений между адвокатом и клиентом создает своеобразный нравственный микроклимат, который накладывает отпечаток и на все последующие контакты между ними», «поэтому даже спустя

длительное время после окончания процесса адвокат не может превратиться в процессуального противника бывшего клиента по другому делу и вести его против интересов своего прежнего доверителя»¹.

Также следует учитывать, что, оказав В.А.И. юридическую помощь, адвокат Р. стал носителем сведений, составляющих предмет адвокатской тайны, срок хранения которой не ограничен во времени².

Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией поддерживает данное толкование, выраженное ведущими специалистами адвокатского сообщества и многократно подтверждённое дисциплинарной практикой адвокатских палат различных регионов.

Вопреки доводам адвоката Р. об ошибочности выводов Квалифкомиссии о раскрытии им адвокатской тайны, Совет АП СПб отмечает, что такие суждения в заключении Квалифкомиссии отсутствуют.

Квалифкомиссия лишь указала, что адвокат Р. стал носителем сведений, составляющих предмет адвокатской тайны.

При этом Совет АП СПб считает необходимым отметить следующее.

Запрет конфликта интересов взаимосвязан с фундаментальным институтом охраны адвокатской тайны (п. 1 ст. 8 Закона об адвокатуре). При этом противоправное оперирование адвокатом конкретными сведениями, составляющими адвокатскую тайну, в частности, нарушение требований конфиденциальности, является самостоятельным дисциплинарным проступком (подп. 2 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре).

Оказание же юридической помощи в условиях конфликта интересов, при котором нарушением является сам факт принятия адвокатом взаимоисключающих поручений и вытекающих из них обязательств (подп. 2 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре), лишь потенциально угрожает сохранению адвокатской тайны, поскольку все полученные адвокатом от прежнего доверителя сведения могут быть им использованы в интересах нового доверителя, имеющего противоположные интересы. К этому адвоката обязывают требования подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре и подп. 1 ст. 8 КПЭА. Такая ситуация неизбежно подрывает доверительность отношений адвоката с клиентом, поскольку она предполагает, что конфиденциальная информация не только может, но и должна быть обращена поверенным к выгоде другого лица.

В данном случае правовой интерес бывшего доверителя заключается в том, чтобы никакая информация, доверенная адвокату или ставшая ему известной в связи с оказанием юридической помощи, не была использована против него самого ни прямо, ни косвенно, ни адвокатом, ни иным лицом.

Очевидным и гротескным примером конфликта интересов является принятие адвокатом поручения против бывшего доверителя. В этом случае обязанность неограниченного во времени сохранения адвокатской тайны (п. 2 ст. 6 КПЭА) вступает в противоречие с требованием об исчерпании адвокатом доступных средств в пользу другого доверителя с противоположными правовыми интересами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре). Принимая такое поручение, адвокат действует вопреки законным

¹ Ватман Д.Л. Адвокатская этика (нравственные основы судебного представительства по гражданским делам). М.: Юрид. лит., 1977. С. 9, 10; Дисциплинарная практика Московских городской и областной коллегий адвокатов: Методическое пособие для адвокатов / Отв. ред. И.И. Склярский. М., 1971. С. 8, п. 38, 39.

² Вайпан В.А. «Конфликт интересов в адвокатской деятельности: комментарий к статье 11 Кодекса профессиональной этики адвоката». «Право и экономика», 2007, № 6.

интересам доверителя, руководствуясь соображениями собственной выгоды (подп. 1 п. 1 ст. 9 КПЭА).

Подобное поведение адвоката рассматривается дисциплинарными органами как грубейшее нарушение профессиональной этики, подрывающее доверие к институту адвокатуры в целом и, как правило, влекущее прекращение статуса адвоката даже при однократности проступка³.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб приходит к выводу, что принимая поручение ИП Г.М.К. на представление его интересов в деле по взысканию денежных средств с В.А.И., адвокат Р. действовал в условиях конфликта интересов (ст. 11 КПЭА), что запрещено действующим адвокатским законодательством (абз. четвертый подп. 2 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре, подп. 10 п. 1 ст. 9 КПЭА).

Далее.

Адвокат Р. отрицает получение от представителя В.А.И. Б.С.В. 200 000 руб. наличными деньгами в счёт оплаты гонорара успеха.

Довод жалобы о том, что Б.С.В. не настаивала на немедленном документальном оформлении передачи денежных средств, так как является инвалидом 2 группы и в это время плохо себя чувствовала, Совету АП СПб вслед за Квалифкомиссией не представляется убедительным. В любом случае заявителем не представлено никаких доказательств передачи адвокату Р. наличных денежных средств, в связи с чем данный довод жалобы не может считаться подтверждённым.

Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией не усматривает ничего противоправного в предложении адвокатом Р. от лица ИП Г.М.К. мирового соглашения в рамках дела № и не согласен с трактовкой его содержания, предложенной заявителем. Предложение мирового соглашения является вполне законным действием, регламентированным ст.ст. 49, 139, 140 АПК РФ, а условия мирового соглашения обсуждаются и согласовываются обеими сторонами.

Далее.

Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией отклоняет также довод В.А.И. о том, что такой способ оформления услуг через ИП Г.М.К. адвокат Р. практикует не первый год, со ссылкой на дела № (банкротство ООО «Юлмарт-РСК», где его интересы представлял адвокат Р.) и № (дело о взыскании денежных средств ИП Г.М.К. с ООО «Юлмарт-РСК»). Квалифкомиссия верно отметила, что заявитель не является доверителем адвоката Р. по указанным делам, не является стороной данных дел, не обладает полной и достоверной информацией о взаимоотношениях участников указанных дел, и потому данный довод не может являться предметом рассмотрения по настоящему дисциплинарному производству.

По поводу возврата В.А.И. денежных средств, перечисленных на оплату госпошлин по делу о банкротстве, реквизиты для оплаты которых ему направлял адвокат Р., Квалифкомиссия справедливо отметила, что никаких доказательств того, что эти денежные средства находились или находятся в распоряжении адвоката Р., заявителем не представлено. Поэтому рекомендация адвоката в адрес В.А.И. обратиться за решением

³ Подробнее об этом см.: Дисциплинарный аспект конфликта интересов в адвокатской деятельности П. Царьков. "Адвокатская газета", №3, февраль 2023 г., с. 5, 16.

вопроса по возврату госпошлины непосредственно к арбитражному управляющему представляется разумной и обоснованной, если вообще можно говорить о том, что госпошлина по рассмотренному судом делу подлежит возврату. Но как уже сказано выше, в компетенцию дисциплинарных органов адвокатской палаты не входит оценка качества ведения адвокатом судебного дела и обоснованности совершения или несовершения им каких-либо процессуальных действий в рамках данного дела.

Приведённые в заключении Квалифкомиссии выводы Совет АП СПб признаёт убедительными и достаточно аргументированными, основанными на полном и всестороннем анализе доводов сторон, имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств и действующего законодательства, регулирующего спорные правоотношения. Само заключение Квалифкомиссии Совет АП СПб считает соответствующим требованиям КПЭА и достаточным для принятия Советом законного решения по дисциплинарному производству.

При таких обстоятельствах в действиях адвоката Р. Совет АП СПб усматривает нарушение взаимосвязанных требований абз. четвертого подп. 2 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре, подп. 10 п. 1 ст. 9 и п. 1 ст. 11 КПЭА, что выразилось в неправомерном оказании юридической помощи ИП Г.М.К. в условиях конфликта интересов доверителей.

Как указано в п. 1 ст. 18 КПЭА: *«Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА».*

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, или о неисполнении (ненадлежащем исполнении) им своих обязанностей перед доверителем или о неисполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных статьей 18 КПЭА».*

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 КПЭА **меру дисциплинарной ответственности** адвокату Р. за допущенное нарушение, Совет АП СПб учитывает его умышленный, грубый и злостный характер, что свидетельствует об игнорировании адвокатом Р. основополагающих требований Закона об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, а также об очевидном пренебрежении им правами и законными интересами заявителя.

Совет АП СПб отмечает, что действия адвоката в условиях конфликта интересов не только ущемляют законные интересы доверителей, но и наносят репутационный ущерб адвокатуре как институту, порождая в общественном мнении представления о том, что повышенные профессиональные и этические требования, закреплённые в специальном законодательстве об адвокатской деятельности, могут на практике игнорироваться по корыстным или меркантильным соображениям, а недостойные практики отдельных представителей покрываются адвокатской корпорацией либо остаются безнаказанными.

Со времени образования адвокатуры нарушение доверия признавалось тяжким проступком для адвоката и влекло за собой строгое наказание вплоть до запрещения практики. Переход на противную сторону считался изменой клиенту. Ещё Плутарх говорил: «Не значит ли это взять два меча из одного склада и выгодно продать их людям, которые намерены перерезать друг другу горло?».

По этой причине указанные нарушения Совет АП СПб признаёт тяжкими.

Отсутствие строгой дисциплинарной ответственности за подобные нарушения может создать у других адвокатов ложное представление о допустимости такого поведения.

Также Совет АП СПб принимает во внимание отсутствие у адвоката Р. действующих дисциплинарных взысканий.

При указанных обстоятельствах Совет АП СПб считает необходимым применить к адвокату Р. меру дисциплинарной ответственности в виде **предупреждения**, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 1 ст. 25, подп. 2 п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **большинством голосов**

решил:

по дисциплинарному производству № признать в бездействии адвоката Р. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) наличие нарушения взаимосвязанных требований

подпункта 2 пункта 4 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подпункта 10 пункта 1 статьи 9 и пункта 1 статьи 11 Кодекса профессиональной этики адвоката.

и применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде **предупреждения**.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.